

И. В. Башкова

ТВОРЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Так как национальный язык неоднороден, существуют разные варианты национальной языковой картины мира. Эта вариативность проявляется в текстах творческой языковой личности. Данный тезис наглядно подтверждают многочисленные лингвистические и литературоведческие исследования творчества выдающегося русского писателя XX века В. П. Астафьева. Богатый жизненный опыт писателя способствовал тому, что он освоил несколько форм русского национального языка: нормированный литературный язык, просторечие, территориальный и социальные диалекты. С каждым из них связан свой вариант русской языковой картины мира. В. П. Астафьев в своих произведениях показал жизнь страны, используя автобиографический принцип построения художественного текста. Это способствовало тому, что индивидуально-авторская языковая картина мира писателя, репрезентированная в его художественных текстах, включает элементы разных вариантов русской языковой картины мира.

Ключевые слова: семантическая лингвоперсонология, творческая языковая личность, русская языковая картина мира, варианты русской языковой картины мира, В. П. Астафьев.

Исследование языковой картины мира входит в число приоритетных задач современного языкознания. Эта задача объединяет разные направления современной лингвистики. В настоящей статье формулируется проблема связи вариативности русской языковой картины мира и семантического уровня русской языковой личности, решить которую может семантическая лингвоперсонология – одно из направлений науки о языковой личности в интеграции с лингвистической семантикой.

Современные лингвисты признают, что синхронно существует несколько вариантов языковой картины мира. Ю. Д. Апресян, одним из первых российских лингвистов начавший исследование русской языковой картины мира и использовавший понятие наивной картины мира, писал: «Складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка и поэтому может быть специфичной для него в двух отношениях.

Во-первых, наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины того же участка мира, которая является общей для людей, говорящих на самых различных языках. <...> Во-вторых, наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается» [1, с. 57–59].

В связи с тем, что национальный язык неоднороден, существуют разные варианты национальной языковой картины мира. «Ясно, например, что язык церковной проповеди и язык советской газеты существенно отличаются набором используе-

мых языковых единиц и скрывающихся за ними концептуальных конфигураций; тем самым различаются и соответствующие языковые картины мира» [2, с. 310].

Ученые Томского государственного университета во главе с профессором З. И. Резановой разрабатывают концепцию дискурсивной картины мира, которая представлена в серии монографий «Картины русского мира» (2005, 2007, 2009, 2011). Исследователи реконструируют русскую языковую картину мира и ее разновидности: фольклорную картину мира, метафорическую, научную, виртуальную и др. «Изучение разных дискурсивных картин мира, с одной стороны, позволяет выявить их специфику, с другой стороны, обеспечивает комплексное исследование целостной и единой национальной картины мира» [3, с. 165].

Проблема вариативности русской языковой картины мира рассматривается представителями различных лингвистических направлений. Так, современная лингвокультурология изучает функциональные варианты языковых форм воплощения национальных культур, прежде всего региональных и субкультурных. Ярким примером плодотворной работы в данном направлении является проект «Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творческая языковая личность», над которым работают лингвисты Томского государственного педагогического университета. Одним из исходных положений данного проекта является «тезис о том, что специфика воплощения в текстах томских художников слова модусов региональной причастности всегда будет включать в себя маркеры субкультурной самоидентификации творца» [4, с. 174].

С позиций семантической лингвоперсонологии проблема неоднородности национальной языковой картины мира сопрягается с задачей выявления ва-

риантов русской языковой картины мира в текстах, созданных одной языковой личностью.

Исследование текстов творческой языковой личности показывает, что они содержат лексику, представляющую разные варианты русской языковой картины мира. К прописным истинам современной культуры речи относится идея о том, что отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность. «Главная функция языка художественной литературы – эстетическая (или поэтическая). С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться не только функциональные разновидности литературного языка, но и нелитературные формы национального языка: диалекты, просторечие, жаргонизмы и др.» [5, с. 19].

В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротина разработали концепцию типов речевой культуры, которая «наглядно показывает отличия в становлении дискурсивного мышления разных людей» [6, с. 96]. Носители элитарного типа речевой культуры владеют всеми функциональными разновидностями литературного языка, для них характерно «незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи» [7].

По аналогии с этим наблюдением можно сказать, что творческая языковая личность владеет несколькими формами национального языка, с каждым из которых связан свой вариант русской языковой картины мира. Поэтому в текстах творческой языковой личности эти варианты могут сосуществовать. Знание разных форм национального языка обеспечивает говорящего (пишущего) разными интерпретационными семантическими стратегиями.

Многочисленные исследования произведений признанного классика XX в. Виктора Петровича Астафьева убедительно подтверждают данный тезис.

В. П. Астафьев был истинно национальным писателем, что признают как отечественные, так и зарубежные исследователи, относя его творчество к «деревенской прозе» – ядру русской традиционной литературы соответствующего периода [8, с. 21]. На всем протяжении творческого пути писатель был верен принципам автобиографизма. «Для художника, у которого определяющим поэтику произведения стал образ автора, понимание его мировоззренческой позиции – ключ к освоению целостности» [9, с. 182]. Главным объединяющим структурным компонентом его самых значимых произведений является «сам автор-повествователь, его философия на пути постижения истины и основ бытия» [10, с. 69]. Художественный и литературный критик А. А. Золотов отмечает: «<...> именно Астафьев, один из немногих в нашей культуре, явил нам радость мирового значения собственной жизни» [11, с. 60].

Конечно, «автор-повествователь» и «языковая личность писателя», «образ автора» и «образ рассказчика» не тождественные понятия, однако «в произведениях В. П. Астафьева, вследствие их автобиографичности, максимально приближены друг к другу» [12, с. 8].

Известный литературный критик А. Н. Макаров, с которым у В. П. Астафьева была длительная дружеская переписка, в одном из писем заметил: «Очень, очень интересно, что Астафьев как мастер эпистолярного жанра расходится с Астафьевым-прозаиком – в письмах пишет: ах, почему хорошие люди мрут, а подлецы живут, а в повестях пишет, что ни один де подлец безнаказанным не остается. Где же мы с Вами лицемерим, дорогой мой Виктор Петрович?! Ну ладно, не буду дразниться...» [13, с. 18].

Очевидно, что в разных жанрах, в разных дискурсах языковая личность предстает в разных ипостасях: автор-повествователь – это одно из проявлений языковой личности, а образ автора и образ рассказчика создается языковой личностью. Художественные произведения – это самые значимые текстовые проявления языковой личности писателя, и если тексты в той или иной мере автобиографичны, то писатель сознательно эксплицирует свойства своей языковой личности.

Выходец из крестьянской семьи, интеллигент в первом поколении, В. П. Астафьев прожил невероятно плодотворную жизнь. В его биографии есть факты, типичные для всего поколения, обусловленные социальными переменами в истории России, повлиявшими на изменения в русской языковой картине мира XX в. В. П. Астафьев в детстве видел насильственную коллективизацию и раскулачивание, «разрушение» крестьянства как опоры державы, был участником самой страшной войны XX века, пережил развал СССР, тяжелое постперестроечное время. В своих произведениях он использовал личный опыт, воссоздал историю отчизны, ее катаклизмы, свидетелем которых был сам [10].

Богатый жизненный опыт и прекрасная память В. П. Астафьева способствовали тому, что он освоил несколько вариантов национального русского языка: нормированный литературный язык, просторечие, территориальный и социальные диалекты, которыми он пользовался в разные периоды жизни и позднее, будучи писателем, использовал в своих художественных произведениях.

Особенностью идиостиля В. П. Астафьева является то, что его произведения насыщены разностилевой лексикой, словами из разных сфер жизни человека. Писатель «широко использовал диалектную, народно-разговорную лексику, часто считая ее более выразительной и уместной в тексте, чем

общенародное слово» [14, с. 121], в его тестах представлены «все виды диалектизмов как в речи персонажей, так и в речи повествователя» [15, с. 9]. Литературный критик В. Я. Курбатов отмечает: «Любовь Астафьева к родной речи иногда полемична. И он готов извлечь и архаичное слово, чтобы воспрепятствовать мякинной бесцветности, проникающей в деревню „среднегородской“ речи <...> его народная речь мускулиста и здорова, весела и упруга – не наслушаешься» [16, с. 45].

Вместе с тем В. П. Астафьев, несмотря на то, что не получил систематического образования, был очень начитанным человеком, он стремился преодолеть свою «недообразованность», «и когда он говорил о себе: «Я – неуч», – в том не было кокетства – недаром он в свое время заслужил репутацию самого читающего слушателя Высших литературных курсов» [17, с. 178]. Поэтому неудивительно, что, наряду с диалектной и сниженной жаргонной лексикой, писатель использует в своих текстах книжную высокую лексику. Исследователи отмечают парадоксальное взаимодействие двух тенденций в дискурсе В. П. Астафьева, где «грубо-натуралистическое изображение мрачных сторон реальной действительности соседствует с утопическим порывом к неземному идеалу вечной доброты и всеобщей взаимной любви» [18, с. 22].

Люди, знающие писателя, вспоминают, что, будучи очень внимательным к слову, он часто пользовался различными словарями: толковыми, диалектными, иностранными и др.

Воспитанный в раннем детстве верящей в Бога бабушкой, а затем в атеистической советской школе, В. П. Астафьев испытывал интерес к христианским ценностям, его религиозный поиск усилился в 90-е годы XX в. и масштабно проявился в романе «Прокляты и убиты» [10, с. 70; 19, с. 6]. Все это отразилось на лексико-семантическом уровне языковой личности В. П. Астафьева: в его художественном дискурсе присутствуют элементы религи-

озной языковой картины мира. Синтез язычества и православия реализуется в обращении «к библейским мотивам и образам с одновременной актуализацией фольклорных жанров и художественных принципов, языческих обрядов и символов» [20, с. 34–35].

А. Д. Шмелев, исследующий русскую языковую картину мира с позиций семантики, пишет о том, что можно «говорить о «языковой картине мира» некоторой разновидности языка (подъязыка или даже идиолекта) так же, как и о «картине мира» некоторого текста <...> Те или иные фрагменты картины мира разных подъязыков одного и того же языка или разных текстов на одном и том же языке могут значительно отличаться друг от друга. Как уже говорилось, советский идеологический дискурс был пронизан совсем иными ценностными установками, нежели церковная проповедь» [21, с. 618].

В заключение подчеркнем важную для нас мысль. Семантическая лингвоперсонология исследует семантический уровень языковой личности и ставит своей целью рассмотрение индивидуально-авторской языковой картины мира через семантику языковых единиц, прежде всего слов и предложений, входящих в тексты языковой личности. Так как творческая языковая личность владеет несколькими формами национального языка, то одной из приоритетных задач семантической лингвоперсонологии становится анализ того, как разные варианты русской языковой картины мира проявляются на семантическом уровне конкретной русской языковой личности. Решить данную задачу можно, исследуя тематические группы лексики и семантику отдельных лексем, входящих в идиолексон, выявляя системные связи, основанные на регулярном повторении в значении разных слов одних и тех же семантических признаков (прежде всего коннотаций, прагматических компонентов значения).

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка): 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Шмелев А. Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 306–313.
3. Никитина Д. Н. Ассоциативно-смысловое взаимодействие концептов *нефть* и *труд* в дискурсивной картине мира регионального журналиста // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 10 (151). С. 165–173.
4. Орлова О. В., Сластина Е. Ю. Лингвокультурное своеобразие региональной инфосферы: творчество томского рок-поэта В. Шестакова в контексте субкультуры сибирского панка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 10 (151). С. 174–177.
5. Ширяев Е. Н. Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи: учебник для вузов. М.: Издат. группа Норма – Инфра. М, 1998. С. 12–25.
6. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
7. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Сиротинина О. Б., Кузнецова Н. И., Дзякович Е. В. Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 16–28. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Sirot_OsnKrit.php (дата обращения: 10.11.2011).

8. Цветова Н. С. Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Архангельск, 2011. 46 с.
9. Кадочников О. П. Правдоискательство – аксиологическое ядро художественной эволюции творчества Виктора Астафьева // Астафьевские чтения. Вып. 3-й (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Курсив, 2005. С. 180–189.
10. Щедрина Н. М. «Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века. М.: Памятники ист. мысли, 2010. 336 с.
11. Золотов А. А. Астафьев как явление в русском искусстве // Астафьевские чтения. Вып. 3-й (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Курсив, 2005. С. 59–63.
12. Андрусенко Е. А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В. П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 27 с.
13. Аннинский Л. А. Астафьевский эпистолярный жанр? // Астафьевские чтения. Вып. 3-й (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Курсив, 2005. С. 10–34.
14. Самотик Л. Г. Внелитературная лексика в концепции войны В. П. Астафьева (на материале романа «Прокляты и убиты») // Астафьевские чтения. Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Курсив, 2005. С. 118–121.
15. Падерина Л. Н. Диалектизмы в языке «Царь-рыбы» как особенность идиостиля В. П. Астафьева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2008. 21 с.
16. Година Н. И. Язык Астафьева // Астафьевские чтения. Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Курсив, 2005. С. 44–47.
17. Быков Л. П. Виктор Астафьев – критик // Астафьевские чтения. Выпуск третий (19–21 мая 2005 г.). Современный мир и крестьянская Россия. Пермь: Курсив, 2005. С. 177–180.
18. Мартазанов А. М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяев): автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2007. 32 с.
19. Золотухина О. Ю. Религиозный поиск В. П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2010. 27 с.
20. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2010. 45 с.
21. Шмелев А. Д. Новомосковская школа концептуального анализа // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 610–620.

Башкова И. В., кандидат филологических наук, доцент.

Сибирский федеральный университет.

Пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041.

E-mail: bbashkova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2015.

I. V. Bashkova

CREATIVE LINGUISTIC PERSONALITY AND VARIABILITY OF THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

There are different options of the national language picture of the world, because the national language is heterogeneous. This variability is manifested in the texts of creative linguistic identity. This thesis is confirmed by numerous linguistic and literary studies of the creative work of the outstanding Russian writer of the XX century V. P. Astafiev. The writer had a great life experience and mastered several forms of the Russian national language: standardized literary language, common parlance, territorial and social dialects. Different variants of the Russian language picture of the world are associated with these forms. V. P. Astafiev showed life of Russia in his works, he used autobiographical principle of construction of literary text. For this reason the author's individual language picture of the world that he presented in his texts includes elements of the different variants of the Russian language picture of the world.

Key words: *semantic lingvopersonology, creative language personality, the Russian language picture of the world, variants of the Russian language picture of the world, V. P. Astafiev.*

References

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected works. Vol. I. Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1995. 472 p. (in Russian).
2. Shmelev A. D. "Yazykovaya kartina mira" i "kartina mira teksta": točki vzaimodeystviya ["The language picture of the world" and "the picture of the world of the text"]. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [The constants and the variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 306–313 (in Russian).

3. Nikitina D. N. Assotsiativno-smyslovoye vzaimodeystvie kontseptov *neft'* i *trud* v diskursivnoy kartine mira regional'nogo zhurnalista [Associative and Semantic Interaction of Concepts Oil and Work in a Discourse Picture of the World of the Regional Journalist]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 10 (151), pp. 165–173 (in Russian).
4. Orlova O. V., Slastina E. Yu. Lingvokul'turnoye svoeobrazie regional'noy infosfery: tvorchestvo tomskogo rok-poeta V. Shestakova v kontekste subkul'tury sibirskogo panky [Lingvo-Cultural Originality of the Regional Infosfere: Creative Works of Tomsk Rock-Poet V. Shestakov in the Context of the Siberian Punk Subculture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 10 (151), pp. 174–177 (in Russian).
5. Shiryayev E. N. Sovremennaya teoreticheskaya kontseptsiya kul'tury rechi [Modern theoretical concept of culture of speech]. *Kul'tura russkoy rechi: uchebnyk dlya vuzov* [The culture of Russian speech: textbook]. Moscow, Norma – Infra M Publ., 1998. Pp. 12–25 (in Russian).
6. Sedov K. F. *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and identity: the evolution of communicative competence]. Moscow, Labirint Publ., 2004. 320 p. (in Russian).
7. Sirotinina O. B. Osnovnye kriterii khoroshey rechi [The basic criteria of good speech]. Sirotinina O. B., Kuznetsova N. I., Dzyakovich E. V. *Khoroshaya rech'* [The good speech]. Saratov, 2001, pp. 16–28. URL: http://www/gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Sirot_OsnKrit.php (Accessed: 10 November 2011) (in Russian).
8. Tsvetova N. S. *Eschatologicheskaya topika v russkoy traditsionnoy proze vtoroy poloviny XX – nachala XXI v.: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Eschatological topic in traditional Russian prose of the second half of XX – beginning of XXI centuries. Abstract of thesis doct. of philolog. sci.]. Arkhangel'sk, 2011. 46 p. (in Russian).
9. Kadochnikov O. P. Pravdoiskatel'stvo – aksiologicheskoye yadro khudozhestvennoy evolyutsii tvorchestva Viktora Astaf'eva [Searching for truth – axiological core of the artistic evolution of creativity of Victor Astafiev]. *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretiy. Sovremennyy mir i krest'yanskaya Rossiya* [Astaf'ev's readings. Vol. 3. The modern world and the peasant Russia]. Perm', Kursiv Publ., 2005. Pp. 180–189 (in Russian).
10. Shchedrina N. M. *“Krasnoye Koleso” A. Solzhenitsyna i russkaya istoricheskaya proza vtoroy poloviny XX veka* [“Red Wheel” of A. Solzhenitsyn and the Russian historical prose of the second half of the twentieth century]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2010. 336 p. (in Russian).
11. Zolotov A. A. Astaf'ev kak yavlenie v russkom iskusstve [Astaf'ev as a phenomenon in Russian art]. *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretiy. Sovremennyy mir i krest'yanskaya Rossiya* [Astaf'ev's readings. Vol. 3. The modern world and the peasant Russia]. Perm', Kursiv Publ., 2005, pp. 59–63 (in Russian).
12. Andrusenko E. A. *Metazykovaya refleksiya v khudozhestvennykh tekstakh V. P. Astaf'eva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The meta-language reflection in the fiction of V. P. Astafiev. Abstract of thesis cand. of philolog. sci.]. Kemerovo, 2012. 27 p. (in Russian).
13. Anninskiy L. A. Astaf'evskiy epistolyariy. Izzhil li sebya epistolyarnyy zhanr? [Astaf'ev's epistolary. Exhausted themselves whether epistolary genre?]. *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretiy. Sovremennyy mir i krest'yanskaya Rossiya* [Astaf'ev's readings. Vol. 3. The modern world and the peasant Russia]. Perm', Kursiv Publ., 2005. Pp. 10–34 (in Russian).
14. Samotik L. G. Vneliteraturnaya leksika v kontseptsii voyny V. P. Astaf'eva (na materiale romana “Proklyaty i ubity”) [Unliterary vocabulary in the concept of war of V. P. Astafiev (on the material of the novel “Cursed and killed”)]. *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretiy. Sovremennyy mir i krest'yanskaya Rossiya* [Astaf'ev's readings. Vol. 3. The modern world and the peasant Russia]. Perm', Kursiv Publ., 2005. Pp. 118–121 (in Russian).
15. Paderina L. N. *Dialektizmy v yazyke “Tsar'-ryby” kak osobennost' idiosfily V. P. Astaf'eva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dialectism in the language of “King-fish” as a feature of idiosfily of V. P. Astafiev. Abstract of thesis cand. of philolog. sci.]. Abakan, 2008. 21 p. (in Russian).
16. Godina N. I. Yazyk Astaf'eva [The language of V. Astafiev]. *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretiy. Sovremennyy mir i krest'yanskaya Rossiya* [Astaf'ev's readings. Vol. 3. The modern world and the peasant Russia]. Perm', Kursiv Publ., 2005, pp. 44–47 (in Russian).
17. Bykov L. P. Viktor Astaf'ev – kritik [Viktor Astafiev critic]. *Astaf'evskie chteniya. Vypusk tretiy. Sovremennyy mir i krest'yanskaya Rossiya* [Astaf'ev's readings. Vol. 3. The modern world and the peasant Russia]. Perm', Kursiv Publ., 2005, pp. 177–180 (in Russian).
18. Martazanov A. M. *Ideologiya i khudozhestvennyy mir «derevenskoy prozy» (V. Rasputin, V. Belov, V. Astaf'ev, B. Mozhaev): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Ideology and artistic world of the “village prose” (V. Rasputin, V. Belov, V. Astafiev, B. Mozhaev). Abstract of thesis doct. of philolog. sci.]. St. Petersburg, 2007. 32 p. (in Russian).
19. Zolotukhina O. Yu. *Religioznyy poisk V. P. Astaf'eva v kontekste tvorcheskoy evolyutsii pisatelya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Religious search of V. P. Astafiev in the context of the creative evolution of the writer. Abstract of thesis cand. of philolog. sci.]. Abakan, 2010. 27 p. (in Russian).
20. Kazantseva I. A. *Pravoslavnyaya aksiologiya v russkoy proze XX–XXI vekov: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Orthodox axiology in the Russian prose of the XX–XXI centuries. Abstract of thesis doct. of philolog. sci.]. Tver', 2010. 45 p. (in Russian).
21. Shmelev A. D. Novomoskovskaya shkola kontseptual'nogo analiza [The new Moscow's school of conceptual analysis]. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennyye russkoy yazykovoy kartiny mira* [The constants and the variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 610–620 (in Russian).

Siberian Federal University.

Svobodny prospect, 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041.

E-mail: bbashkova@mail.ru